

RU

## Философская проблема языка в романах Уокера Перси

Никулина А. К.

**Аннотация.** Цель исследования заключается в выявлении роли языка и речевого поведения персонажей в раскрытии авторского философского замысла в романах У. Перси «Ланселот», «Второе пришествие» и «Синдром Танатоса». Научная новизна состоит в том, что в статье впервые обосновывается связь теоретических изысканий Перси в области философии языка с принципами построения им сюжетов и художественных образов персонажей в поздних романах. Главную функцию языка Перси обнаруживает не в наименовании фактов действительности и установлении абстрактных связей между ними, а в открытии человеком онтологического смысла происходящего через осознание социальной и витальной важности произносимого. Механическое оперирование клишированными выражениями, превалирование формы над содержанием высказывания становится показателем внутренней пустоты персонажей, утраты ими человеческой сущности. Возвращение индивидуального значения произносимым словам тесно связано с внутренним духовным преобразованием личности. В результате исследования доказывается, что речь персонажей в романах Перси выполняет важную функцию характеристики их бытийного статуса: изменения в речи являются обозначением сущностных изменений в характере персонажей, приближения или отдаления от познания смысла жизни.

EN

## The philosophical problem of language in the novels by Walker Percy

Nikulina A. K.

**Abstract.** The aim of the research is to identify the role of language and speech behavior of characters in revealing the author's philosophical intent in the novels by Walker Percy, namely "Lancelot", "The Second Coming" and "The Thanatos Syndrome". The paper is original in that it is the first to substantiate the connection between Percy's theoretical inquiries in the philosophy of language and the principles of construction of plots and characters' images in his later novels. Percy finds that the main function of language is not in naming facts of reality or establishing abstract connections between them, but in a person's realization of the ontological meaning of what is happening through an awareness of the social and vital significance of what is being uttered. Mechanical manipulation of clichéd expressions and the dominance of form over content in speech become indicators of the characters' internal emptiness and their loss of human essence. The return of individual meaning to spoken words is closely linked to the internal spiritual transformation of the characters. As a result, the research demonstrates that the characters' speech in Percy's novels serves an important function in characterizing their existential status: changes in speech signify essential changes in the characters' nature, their proximity or distance from the understanding of the meaning of life.

## Введение

Американский писатель Уокер Перси (1916-1990) является автором шести философских романов – произведений, по определению В. В. Агеносова, «сознательно сориентированных на художественное моделирование и жизненную проверку научно-философских идей» (2012, с. 112). Сам писатель неоднократно подчеркивал, что по образцу французских экзистенциалистов использует художественную форму как средство передачи философского содержания (Conversations with Walker Percy, 1985, p. 9).

У. Перси признает основополагающее влияние на свое творчество философии С. Кьеркегора. Если форму философского романа он заимствует у Ж.-П. Сартра и А. Камю, то содержательно он не соглашается с их атеистическими выводами. Вопросы веры занимают центральное место в его произведениях. Перси полагает, что возрождение христианства – важная задача современности, и она видится ему вполне достижимой: «Большинство из нас были воспитаны в христианской культуре. В нашей стране это разумеющееся явление, это часть культуры» (More Conversations..., 1993, p. 74) (здесь и далее цитаты из англоязычных источников

даются в переводе автора статьи. – А. Н.). Но как писатель второй половины XX века он понимает, что прямое морализаторство и проповедь со страниц романа вызовут отторжение читателя: «...язык религии, сами слова обесценились» (Conversations with Walker Percy, 1985, p. 79). Он ищет новые возможности преподнесения своих взглядов аудитории: «...прием романиста, задача художника – все время стараться каким-то образом обновить язык, заставить его звучать по-новому... чтобы сохранить смысл и вернуть понимание» (More Conversations..., 1993, p. 168). Этим, с его точки зрения, в свое время занимался и Кьеркегор, которому пришлось изобретать новый язык и собственные философские понятия, чтобы «вдохнуть новую жизнь» в христианство (Conversations with Walker Percy, 1985, p. 125). Поэтому образ слова как носителя значимого содержания и проблема обновления возможностей его употребления в ситуации, когда оно перестает нести смысл, занимают важное место в произведениях писателя.

Хотя Перси не является профессиональным лингвистом, исследование проблем языка представляет для него значительный интерес. Размышление над лингвистическими проблемами стало закономерным следствием его увлечения философией. Вопросы функционирования языка находились в центре внимания многих крупных философов XX столетия. Л. Витгенштейн и его последователи, среди которых видное место занимают представители англо-американской аналитической традиции, выступают как влиятельные законодатели нового образа философствования. Представления человека о мире и действительности начинают восприниматься как следствие определенных форм выражения, закрепившихся в языке.

Именно владение речью Перси считает главной особенностью человека. В эссе «Дельта-фактор» он утверждает: «Начать можно только с одного пункта: это пункт, где человеческая непохожесть на другие существа очевидна и не вызывает сомнений – даже в современном мире, где сомнения вызывает все. Эта непохожесть – его язык» (Percy, 1989, p. 3). При этом автор, принимая в рамках эссе роль марсианина, впервые явившегося на Землю и пытающегося составить о ней общее представление, удивляется тому, что «земляне, у которых существуют теории обо всем на свете, не имеют теории ни о языке, ни о человеке» (Percy, 1989, p. 7). Он полагает, что философы и лингвисты разработали ряд систем, объясняющих внутреннюю структуру языка, принципы построения предложений, но не ответили на главный вопрос: зачем человек говорит, причем говорит постоянно, даже когда в этом нет ситуативной необходимости. Перси считает, что речь является основным способом экзистенциального самоопределения человека, и в дальнейшем обосновывает это в своих философских эссе, и наглядно представляет в жизненных ситуациях, лежащих в основе сюжетов его романов: в первую очередь в трех последних, где обретение персонажами смысла жизни и веры проявляется в значительной степени в изменении их речи.

Если общая экзистенциалистская проблематика романов Перси на Западе нередко становилась предметом анализа в специальных литературоведческих работах, то философским вопросам языка в его произведениях уделялось недостаточно внимания. В 2018 г. был издан сборник статей «Уокер Перси, философ» под редакцией Л. Марша, где часть исследований посвящена анализу теоретических взглядов Перси на проблемы языка, раскрытые им в сборниках эссе «Послание в бутылке» и «Затерянные в космосе», однако лишь в немногих из них делаются попытки соотнести общие принципы с его художественными произведениями. Среди последних можно выделить статью К. Перкинс (Perkins, 2018), в которой довольно подробно анализируются символические детали романа «Второе пришествие» с точки зрения отражения в них взглядов Перси на природу общения. На важность речи персонажей в романах писателя обращают внимание авторы монографий о творчестве Перси У. Р. Аллен (Allen, 1986) и Л. У. Хобсон (Hobson, 1988), но не раскрывают этот аспект детально.

В отечественной литературоведческой традиции о Перси написано мало. А. С. Мулярчик (1988) обращается к экзистенциалистским аспектам его творчества, О. Ю. Панова (2021) рассматривает его персонажей в ряду «подпольных людей», О. Ю. Анцыферова (2004) анализирует мифопоэтику раннего творчества писателя, но языковому аспекту проблематики никто из них не уделяет специального внимания.

Актуальность данной статьи заключается в необходимости проведения детального анализа роли языка, последовательно раскрывающейся в ряде произведений писателя, без осознания которой философский аспект романов Перси не может быть полностью прояснен.

Мы намереваемся в рамках данной статьи решить следующие задачи: охарактеризовать теоретические взгляды У. Перси на сущность языка, изложенные им в философских и публицистических произведениях; проследить их художественное воплощение в трех романах писателя («Ланселот», «Второе пришествие», «Синдром Танатоса»); выявить сходные мотивы в указанных произведениях, касающиеся манеры речи персонажей и изменений, происходящих в ней в ходе развития сюжета, и охарактеризовать их значимость для раскрытия художественной идеи романов.

Для реализации поставленных задач будут задействованы описательный метод при характеристике философских взглядов У. Перси, метод целостного анализа художественного произведения при раскрытии контекстуальной значимости деталей персонажной и сюжетной сфер исследуемых романов, а также сравнительный метод при выявлении наиболее значимых мотивов, объединяющих три произведения писателя.

Материалом исследования выступают романы У. Перси: «Ланселот» (Percy W. Lancelot. N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1977), «Второе пришествие» (Percy W. The Second Coming. N. Y.: Washington Square Press, 1980) и «Синдром Танатоса» (Percy W. The Thanatos Syndrome. N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1987).

Теоретической базой исследования являются работы В. В. Агеносова (2012), заложившего основы характеристики философского жанра в литературе; К. Перкинс (Perkins, 2018), представившей анализ ряда символических деталей в романе «Второе пришествие» в свете философских идей У. Перси; С. В. Доналдсон (Donaldson, 1991),

рассматривавшей метаязык кино в романе «Ланселот»; и У. Р. Аллена (Allen, 1986), указавшего на значимость особенностей речи персонажей в романах У. Перси.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в курсах зарубежной литературы в вузе, а также для дальнейшего научного исследования специфики современного американского романа.

## Обсуждение и результаты

Новая теория языка, по мнению У. Перси, способна объединить лингвистическую науку и экзистенциалистскую философию. В экзистенциализме Перси привлекает стремление преодолеть картезианский дуализм души и тела, на несколько веков определивший способ восприятия человеком себя и мира и приведший к его отчуждению от собственной внутренней сущности. Экзистенциализм воспринимает человека в его наличной целостности, «вот-бытийности» и в этом отношении противопоставляется писателем картезианству. В теории языка Перси критикует абстрактные структуры Хомского и его последователей, противопоставляя им чувственно осязаемую бихевиористскую модель. Увлечение абстракциями во всех сферах науки и философии Перси считал главным недостатком современного познания. Но в то же время, размышляя над проблемами языка и речи, он не принимает и популярный в научных кругах философский подход логического позитивизма, признающий истину только за сухой рациональностью и четкими причинно-следственными связями. Писатель признается, что экзистенциализм близок ему как способ противостояния аналитической философии (Conversations with Walker Percy, 1985, p. 106). К. Калбертсон подчеркивает, что Перси склонен, скорее, к хайдеггеровскому пониманию слова как тайны (Culbertson, 2018, p. 51), когда в каждом языковом акте смысл открывается говорящим заново.

Не разделяя позицию Витгенштейна периода «Логико-философского трактата» об универсальности слова как знака, четко отсылающего к определенным фактам действительности, Перси оказывается согласен с более поздними идеями философа о значении слова, проявляющемся в особенностях его практического употребления в речи: «Предложение может иметь любой смысл, который в него закладывается в ситуации общения» (Percy, 1989, p. 169).

В эссе «Тайна языка» Перси разграничивает понятия слова как знака и как символа. Знак «направляет наше внимание на что-то другое»: «Если вы или я, или пес, или цикада услышат раскат грома, мы все, опасаясь дождя, поторопимся найти укрытие». В то же время символ «вообще никуда нас не направляет. Он “обозначает” нечто иное. Если я скажу “мяч” своему псу, тот, в лучших традициях поведения собаки Павлова, кинется под диван и принесет мяч. Но если я скажу “мяч” вам, вы просто воззритесь на меня и, подождав некоторое время, спросите: “Так что насчет мяча?”» (Percy, 1989, p. 153). Именно способность понимать символы, по мнению Перси, отличает человека от других существ. Она открывает для него возможность познавать как окружающий мир, так и свою роль в этом мире.

В понимании символа и его роли в человеческом общении Перси опирается на теорию Э. Кассирера, С. Лангера и в первую очередь Ч. Пирса. При этом он утверждает, что к своей теории пришел совершенно самостоятельно в ходе собственных философских размышлений и только позже обнаружил, что сходные мысли уже были высказаны Пирсом за столетие до него. Речь идет о «триадных» отношениях, возникающих между знаком, объектом и интерпретантом. Значение слова не является универсально заданным, оно приобретает новые ассоциации и оттенки смысла в процессе человеческого общения и напрямую зависит от ситуативного контекста его употребления. «Любое предложение произносится в человеческом окружении. Это обязательное для общения окружение выступает необходимым и сугубо человеческим параметром триадной модели поведения», – пишет Перси (Percy, 1989, p. 172). В связи с этим он не останавливается на констатации существования триады Пирса: своим новаторством он считает включение в нее четвертого элемента: «В качестве основного и постоянного условия символической модели поведения необходим второй человек» (Percy, 1989, p. 200). Это положение возникает у Перси под воздействием его увлечения философией Г. Марселя с ее акцентом на понятии intersubjectivity, базирующейся на идее о том, что человек способен обрести внутреннюю сущность только через взаимоотношение с другим человеком.

Свои взгляды на природу языка Перси излагает не только в специальных эссе, но и практически кладет в основу замысла художественных произведений, превращающихся, по выражению С. Утца, в его «философскую лабораторию» (Utz, 2018, p. 23). Хотя Перси и заявлял, что его занятия теорией языка не отразились в практике написания романов (Conversations with Walker Percy, 1985, p. 138), нельзя не заметить, что это не так. Особенно большое значение тема языка и речи приобретает в его поздних произведениях. Три последних романа, как справедливо отмечает К. Перкинс, пронизаны «семиотикой Пирса-Перси» (Perkins, 2018, p. 90).

В романе «Ланселот» персонажи – члены творческой группы, снимающей фильм в старинной южной усадьбе, владельцем которой является Ланселот Ламар, – много и пафосно говорят о философских проблемах искусства, однако сложно построенные высказывания зачастую оборачиваются практической бессмысленностью. Абстрактные словесные споры о действительности все больше оттесняют саму действительность на задний план. С. В. Дональдсон, рассматривая роман в традициях металитературы, подчеркивает, что в ситуации, представленной в произведении, «реальность копирует кино, а не наоборот» (Donaldson, 1991, p. 69). Рассказы о жизни оказываются «более реальными», чем сама жизнь. Этот факт вызывает раздражение Ланселота: «Когда

Янос ищет нужное слово, его взгляд проходит сквозь меня и блуждает по темным углам. Я тоже начинаю чувствовать себя актером» (Персу, 1977, р. 110). Внешне Ланселот пытается противостоять происходящему, погружаясь в намеренное молчание: «Несколько лет назад я обнаружил, что мне нечего сказать кому бы то ни было, а им нечего сказать мне – то есть такого, что заслуживало бы внимания. Говорить стало не о чем. Поэтому говорить я перестал» (Персу, 1977, р. 82). Однако, как понимает читатель, это противостояние оказывается внешним, поскольку собственный монолог Ланселота – речь, обращенная к слушающему его священнику, – вскрывает то же стремление пересоздать действительность на основе абстрактных представлений о ней. Как справедливо указывает С. В. Дональдсон, «образ нового мира, который Ланс собирается строить в Виргинии, подозрительно напоминает старый мифологизированный Юг» (Donaldson, 1991, р. 71).

Погруженные в дебри сложных размышлений о больших философских проблемах, герои романа долго не видят главного: искренних человеческих чувств и отношений, способных стать подлинным залогом обновления мира. Й. Тарп, с нашей точки зрения, прав, трактуя словесную невыразимость любви в романе как витгенштейновскую проблему (Tharpe, 1983, р. 7): невозможность объективно высказаться о сферах, не относящихся к «фактам», просто устраняет эти сферы из поля зрения персонажей. Ланселот, однако, предпринимает попытку выйти за искусственно установленные границы: оказавшись в психиатрической клинике, он переступивает через стену с соседкой Анной, открывая возможность иной формы общения в ситуации, когда обычные слова теряют смысл. «Это чистейший вид триадной ситуации, – комментировал свой замысел писатель, – “я” и “ты”, нечто перед нами и возможность создать новый язык, как было у Адама и Евы» (Conversations with Walker Percy, 1985, р. 141). Общение приобретает новый смысл, выходя за рамки созданных стандартным языком клише. Возможно, поэтому Анна позже особенно остро реагирует на возвращение Ланселота к обычному языку и стандартным фразам сочувствия ее ситуации – вплоть до разрыва отношений с ним. Отец Джон, однако, успокаивает Ланселота, утверждая, что Анна обязательно вернется к нему: читатель понимает, что и Ланселот, и Анна находятся только на полпути между традиционным и новым мировосприятием.

Гораздо больший интерес представляет в романе ситуация самого отца Джона – слушателя исповеди Ланселота. На протяжении всего произведения он хранит молчание. Перси говорит, что заимствовал данный композиционный прием из повести А. Камю «Падение» (Conversations with Walker Percy, 1985, р. 146). Но заимствование обнаруживается только на формальном уровне, в то время как содержательно писатель остается верен своим излюбленным темам открытия веры и внутреннего духовного перерождения. Отец Джон приходит на первую встречу с Ланселотом заурядным человеком, тяготящимся профессиональными обязанностями священника, но выслушанный рассказ заставляет его переосмыслить собственную жизнь. Он погружается в длительное молчание, поскольку не может больше изъясняться формализованным языком своей профессии, не отражающим истинные чувства верующего. Лишь в финале романа он оказывается готов говорить, и, как понимает читатель, говорить он будет иначе, чем делал это прежде.

Если в романе «Ланселот» возможность обретения нового языка только намечена, то в следующем произведении писателя – «Втором пришествии» – она реализуется в полной мере. Перси сам характеризовал его как свой первый «неотчужденный» роман (Conversations with Walker Percy, 1985, р. 183). В нем он не только ставит философские вопросы, но дает на них конкретные ответы в соответствии со своими убеждениями. К. Перкинс подробно анализирует текст романа, указывая на лейтмотивное фигурирование в нем троек и четверок разного рода как скрытых символов, указывающих на практическую реализацию триадной теории Перси в действии (Perkins, 2018). Возможно, не всегда настолько прямолинейно, как кажется автору указанного исследования, но теория Перси, действительно, присутствует в романе, находя воплощение в обрисовке образов персонажей, развертывании сюжета и построении диалогов.

Центральным персонажем, реализующим теорию языка Перси на практике, выступает Эллисон Хьюгер. Она подверглась лечению электрошоком в психиатрической клинике, в результате чего потеряла память и теперь вынуждена открывать мир заново: «Она прочитала свое имя вслух. Поначалу оно показалось ей странным. Затем она поняла, что это ее имя» (Персу, 1980, р. 27). В дальнейшем, обосновавшись в заброшенной теплице за неимением лучшего жилья, Элли чувствует себя довольно хорошо, хотя нередко испытывает трудности с подбором слов, поскольку они ускользают из ее памяти: «Где же взять подходящее слово? – хотелось спросить девушке из теплицы, и она беспомощно оглядывалась вокруг себя» (Персу, 1980, р. 147).

В целом Элли вполне способна говорить, но говорит мало и редко, потому что, в отличие от окружающих людей, интуитивно ощущает значимость слов и не может употреблять их рутинным образом: «Для того чтобы произнести утвердительное предложение, нужно точно понимать, что ты говоришь» (Персу, 1980, р. 102). «Мне нравится, что Элли начинает новую жизнь, некоторым образом открывая язык заново, – говорил Перси в интервью. – Все в ее восприятии оказывается свежим и новым, таким, каким она это видит» (Conversations with Walker Percy, 1985, р. 194). Писатель неоднократно подчеркивал, что находит свою задачу как романиста в том, чтобы вернуть человеку утраченное восприятие осмысленности мира через восстановление осмысленности речи: «Что-то произошло с нашим языком. Он выносился. Он должен помогать человеку устанавливать связи и передавать значения, но он этого не делает. Гораздо чаще он, наоборот, скрывает смысл и мешаает общению, становясь набором пустых бессмысленных обозначений» (More Conversations..., 1993, р. 57). В этом отношении Перси полагает, что следует за принципом острашения Шкловского, стремясь наполнить слова новым значением, заставить читателя прислушаться к ним заново.

У. Р. Аллен в своей монографии обращает внимание на значимость речи в романе: «Персонажи “Второго пришествия” делятся на тех, кто раскрывает себя через язык, и тех, кто использует его для того, чтобы

скрыть свою внутреннюю сущность» (Allen, 1986, p. 141). Не удивительно, что особенно значимой исследователю кажется «странная, но эффективная» речь Элли, наполненная неожиданными метафорами, которую только влюбленный в нее Уилл оказывается способен понять. Элли использует в основном простые предложения, в отличие от других персонажей, но их внешняя простота насыщена внутренним значением: «Твой язык необычен, – говорит ей Уилл. – Но я его понимаю. На самом деле, в нем больше смысла, чем в речи остальных людей» (Percy, 1980, p. 376). Манера Элли говорить возрождает ощущение естественности и целостности жизни, подтверждая главное открытие, совершаемое человеком в романах Перси: «Раньше, с подачи матери, она думала, что ей надлежит совершить в жизни что-то необычное, стать кем-то необычным. Но наиболее интересное, оказывается, заключалось в том, чтобы вести самую что ни на есть обычную жизнь, найти самую обычную работу, которая будет приносить радость самой своей обычностью, и только потом ощутить свою необычность или обычность – как сам почувствуешь. В этом и есть секрет жизни» (Percy, 1980, p. 283). Л. У. Хобсон сравнивает Уилла и Элли в романе с «Адамом и Евой двадцатого века», заново изобретающими язык любви: «Поскольку Элли не помнит названий вещей, они описывают свою любовь, используя новый язык, как двое прародителей человечества на заре эволюции» (Hobson, 1988, p. 113). В результате обновление способа речи приводит обоих героев к новому видению реальности, открытию смысла в прежде бессмысленном для обоих мире.

В романе «Синдром Танатоса» сюжет строится вокруг фантастического допущения: группа ученых тайно проводит эксперимент, направленный на улучшение социальной ситуации в небольшом южном городке. Регулярное добавление в питьевую воду горожан химического вещества на основе натрия ощутимым образом улучшает их умственное и физическое состояние, подавляет склонность к депрессии, развивает память. Однако главный герой – психиатр Томас Мор, вернувшийся в город после долгого отсутствия, – замечает странные элементы внутренней деградации людей, в частности необъяснимые изменения их речи: «Вместо обычных высказываний в форме более-менее законченных предложений... короткие фразы в два-три слова, напоминающие первые обрывочные высказывания трехлетнего ребенка» (Percy, 1987, p. 69). Общение людей сводится к простому обмену фактами. Рассказчик намеренно задает людям в разных ситуациях простые фактические вопросы, чаще всего о местоположении того или иного города на карте США, на что получает мгновенные точные ответы, но никого при этом не смущает полное отсутствие контекста и не интересуется причинами вопроса. Ситуация напрямую отсылает к тому, что Перси писал о поведении собаки, услышавшей слово «мяч», в цитированном выше эссе «Тайна языка». Автоматическая речь в романе «Синдром Танатоса» выводит человека из области человеческого, превращая его в животное, реагирующее на знаки, но не способное определять символы. Не случайно ярким эпизодом романа становится общение Ван Дорна с гориллой после принятия сильной дозы химического вещества.

Речь, по мнению Перси, – это тайна, ее нужно каждый раз осмысливать заново. Кризис современности писатель видит в том, что, утратив свежесть восприятия реальности, переместившись в область абстракций, человек оказался неспособен говорить ни с собой, ни с другими. В романе эту мысль озвучивает отец Смит: по его убеждению, слова «больше ничего не обозначают» (Percy, 1987, p. 117), они превратились в ходячие понятия, за которыми не стоят ни живые люди, ни реальные действия. Результатом клишированного языка становится превращение человека в механическое существо, верящее только в абстрактную логику, а абстрактная логика, культивирующая рациональные принципы вместо внимания к конкретному человеку, приводит к тирании и окончательному подавлению человеческого: «...если соединить две сущности – того, кто желает человечеству блага, и того, кто размышляет о человечестве как абстрактной проблеме, – здесь и получим Робеспьера, Сталина или Гитлера, и террор, и миллионы жертв ради блага человечества», – заключает отец Смит (Percy, 1987, p. 129).

Люди, чтобы оставаться людьми, нуждаются в подлинной человеческой речи и осмысленном общении, потому что, как утверждает главный герой в романе, «центр речи внутри мозга, по мнению неврологов, выступает точкой концентрации самосознания, того, что выступает в качестве “я”, говорящего, личности» (Percy, 1987, p. 22). Такой шанс настоящего общения дает больным и обездоленным хоспис отца Смита, за возрождение которого борется повествователь. Как только хоспис открывается вновь, отец Смит выходит из глубокой депрессии, выражавшейся в молчаливом пребывании на вершине смотровой башни, и с радостью погружается в работу: «...он шутит с детьми, слушает бесконечные истории стариков, подолгу говорит с умирающими» (Percy, 1987, p. 363). Рассказчик помогает ему в работе с больными СПИДом, понимая важность для последних не столько профессионально медицинского, сколько простого и искреннего человеческого общения: «Мы не просто навещаем их, этих изможденных молодых людей, мы слушаем, разговариваем в непринужденной манере – мы с ними, они с нами, мы друг с другом в их присутствии – о них и о наших собственных проблемах, двое старых пьяниц, не всегда хорошо соображающих. Они дают нам советы насчет того, что пить, есть и всего такого. И это здорово помогает и нам, и им» (Percy, 1987, p. 363). Смысл речи, по убеждению Перси, заключается в сближении людей. Открывая необходимость для себя другого и значимого общения с ним, человек поднимается на новый уровень восприятия действительности, переходит от животного состояния к осознанию себя «необычным существом, дающим имена и произносящим предложения» (Percy, 1989, p. 35), и обретает человеческую сущность.

Таким образом, тема языка и речи в произведениях Перси призвана вывести читателя за пределы лингвистических рассуждений в область размышлений подлинно философских. Передача речи персонажей важна для художественного замысла любого романиста, но в философском романе Перси то, как и о чем говорят его герои, становится показателем их экзистенциального положения. И примитивная бездумная речь горожан

в «Синдроме Танатоса», и наполненная сложной терминологией и вычурными образами речь членов съемочной группы в «Ланселоте», по мнению писателя, одинаково далеки от подлинной человеческой речи, поскольку строятся на клишированных формах выражения, приближающихся к знакам-стимулам, характерным для животного поведения. Подобная речь выхолащивает содержание жизни, обращает ее в существование, лишенное смысла. Не случайно многие знаковые персонажи Перси: Ланселот и отец Джон в романе «Ланселот», Уилл и Элли в романе «Второе пришествие», отец Смит в романе «Синдром Танатоса» – замолкают в ключевые моменты развития сюжета. Нежелание пользоваться языком толпы, говорить так, как говорит окружающая масса людей, ведущих бессмысленное механистическое существование, становится для них своеобразной формой протеста против бытийного обесценивания жизни. Однако затем наступает этап, когда они снова обретают голос в стремлении высказаться о невысказываемом с точки зрения логического позитивизма: духовном, этическом, интимном – «выговорить словами собственное отчуждение», по выражению Перси (Conversations with Walker Percy, 1985, p. 77), и таким образом преодолеть его, обрести себя и смысл жизни через общение с другим человеком. Именно через язык и его осмысленное использование в общении с другими людьми человек в романах писателя осознает свою человеческую сущность.

## Заключение

Речь, по мнению Перси, является главным отличительным свойством человека. В отличие от животного, человек способен понимать не только знаки, но и символы и через оперирование ими устанавливать значимые отношения с другими людьми и миром. В философскую триаду Пирса Перси добавляет четвертый элемент: человека-собеседника, поскольку символ, с его точки зрения, наполняется значением только в живом межличностном общении.

Философские представления о значимости языка писатель воплощает в своих художественных произведениях. В его романах речь персонажей выполняет важную функцию характеристики их онтологического статуса.

В обыденной жизни слова склонны терять значение, вынашиваться, превращаться в пустую форму, лишенную содержания. В романе «Ланселот» таков язык всех обитателей поместья, стремящихся превратить жизнь в абстрактное кино; во «Втором пришествии» это витиеватый и не менее абстрактный язык Уилла до встречи с Элли, а также лишенный глубины язык окружающих его светских людей; в романе «Синдром Танатоса» – примитивный язык обитателей городка, употребляющих натриевый раствор. Бездумное оперирование пустыми формулировками вместо стремления взглянуть в суть окружающего становится манифестацией внутренней пустоты персонажей, утраты ими человеческой сущности.

Возвращение значения произносимым словам тесно связано с возвращением смысла жизни. Как сторонник экзистенциалистских взглядов, Перси видит этот смысл в уходе от мертвых абстракций и обращении к конкретному, сущностному. Таким же образом и ценность языка он видит в практической наполненности высказываний живым, чувственно ощутимым содержанием, воплощающимся в узнаваемых обоими собеседниками символах. Для персонажей Перси возможен путь к новой жизни, начинающийся с действенной попытки обновления ими собственного языка, как происходит с Элли в романе «Второе пришествие» или с Ланселотом и Анной в романе «Ланселот». С другой стороны, возможно и первоначальное отталкивание от событий действительности, как происходит с отцом Джоном в «Ланселоте», Уиллом во «Втором пришествии», пациентами Томаса Мора в «Синдроме Танатоса», когда изменение образа жизни, открытие новых целей приводят к изменению речи, насыщению ее значимыми символами.

Особо важным элементом при этом, непосредственно влияющим на изменение речевого поведения человека, оказывается взаимодействие с другим человеком, осознание его значимости. Роман «Ланселот» выстраивается как диалог, трансформирующий сознание обоих его участников. Для Уилла во «Втором пришествии» именно знакомство с Элли и общение с ней становятся поворотным этапом в жизни. В романе «Синдром Танатоса» возрождение хосписа отца Смита, где живое общение оказывается эффективнее применения медикаментозных препаратов, становится залогом возрождения человеческих отношений как противоположности дегуманизированной городской среде.

Таким образом, во всех поздних философских романах Перси язык выступает как манифестация человеческой сущности, указатель его экзистенциального положения, маркер степени приближенности к подлинной жизни. Изменения в речи персонажей всегда становятся показателем сущностных изменений в характере персонажа, приближения или отдаления от познания им смысла жизни.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в сопоставлении функций языка и речи в романах Перси с аналогичными поисками его современников – авторов философского романа в литературе США – и расширении на этой основе представлений о специфике жанра в литературе XX века.

## Источники | References

1. Агеносов В. В. Избранные труды и воспоминания. М.: АИРО-XXI, 2012.
2. Анцыферова О. Ю. Южный миф vs киномиф в романе Уокера Перси «Любитель кинематографа» // Вестник Ивановского государственного университета. 2004. № 1.
3. Мулярчик А. С. Современный реалистический роман США: 1945-1980. М.: Высшая школа, 1988.

4. Панова О. Ю. Американский «подпольный дух»: повесть Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и литература США второй половины XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 4.
5. Allen W. R. Walker Percy, a Southern Wayfarer. Jackson: University Press of Mississippi, 1986.
6. Conversations with Walker Percy / ed. by L. A. Lawson and V. A. Kramer. Jackson: University Press of Mississippi, 1985.
7. Culbertson C. Walker Percy, Phenomenology, and the Mystery of Language // Walker Percy, Philosopher / ed. by L. Marsh. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2018.
8. Donaldson S. V. Tradition in Amber: Walker Percy's Lancelot as Southern Metafiction // Walker Percy: Novelist and Philosopher / ed. by J. N. Gretlund and K.-H. Westarp. Jackson: University Press of Mississippi, 1991.
9. Hobson L. W. Understanding Walker Percy. Columbia: University of South Carolina Press, 1988.
10. More Conversations with Walker Percy / ed. by L. A. Lawson and V. A. Kramer. Jackson: University Press of Mississippi, 1993.
11. Percy W. The Message in the Bottle. N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1989.
12. Perkins K. Diamonds in the Rough: The Peirce-Percy Semiotic in The Second Coming // Walker Percy, Philosopher / ed. by L. Marsh. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2018.
13. Tharpe J. Walker Percy. Boston: Twayne Publishers, 1983.
14. Utz S. Percy, Peirce, and Parsifal: Intuition's Farther Shore // Walker Percy, Philosopher / ed. by L. Marsh. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2018.

#### Информация об авторах | Author information



**Никулина Алла Константиновна**<sup>1</sup>, к. филол. н., доц.

<sup>1</sup> Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа



**Nikulina Alla Konstantinovna**<sup>1</sup>, PhD

<sup>1</sup> Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa

<sup>1</sup> [alla\\_nikoulina@mail.ru](mailto:alla_nikoulina@mail.ru)

#### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.09.2023; опубликовано online (published online): 30.10.2023.

**Ключевые слова (keywords):** Уокер Перси; философский роман; язык; Чарльз Пирс; Walker Percy; philosophical novel; language; Charles Peirce.